

Светлана
Синицкая

НИЧТО НЕ ПРОХОДИТ...

НОЧНОЕ КАФЕ

Здесь живут наши тени, твоя и моя,
Отражаются смутно в оконном проеме,
Где мерцает свеча, как далекий маяк,
И плечо в полутьме в напряженном изломе.

Мы с тобой невидимки на этом пиру,
Где галдят и жуют, и призывно смеются,
И кофейные чашки вступают в игру,
Приседая на скользкие лунные блюда.

Все еще впереди, я не знаю пока,
Что у счастья всего-то неделя в запасе,
И не взят еще ключ от чужого замка,
И не надо прощаться в предутреннем часе...

Мне побыть бы опять в той январской ночи,
Где тепло от свечи, от руки и улыбки,
И комочек за ребрами сладко стучит,
И кофейная гуща пророчит ошибку...

* * *

Октябрь. Печальная дача.
Немного холодного солнца...
Закрою, уйду, не заплачу,
Но в сердце иголкой воткнется

Тревога о юных побегах,
Таких невесомо-непрочных,
Ну, как им придется под снегом
Беззвездной студеную ночью?!

И к старым натруженным веткам
Прошу снисхожденья у Бога,
Они затоскуют о Светке,
И даже о Юрке немного...

Лечу суетливой синицей,
Крылами машу в беспорядке,
А ночью, наверно, приснится –
Шиповник и пышные грядки...

И мама, белея руками,
Над ними привычно хлопочет,
Лопатой задевши о камень,
Чело озабоченно морщит.

Я знаю, в небесных пределах,
Которых не видно отсюда,
Ей помнятся яблони в белом
И зелени нежное чудо.

Угаснет камин понемногу,
Поленья в золу превратятся,
Пора собираться в дорогу
И новой весны дожидаться...

* * *

У вдовства есть своё величье
И, страшно молвить,
Благодать,
Не надо прыгать мелкой птичкой
И ублажать, и угождать.

Сидеть у тёмного окошка,
Ловя привычный силуэт,
И на звонок какой-то крошки
Сказать, что мужа дома нет.

Прости мне, Боже, эту смелость,
Не осуди, не накажи!
Не так, конечно бы, хотелось
Мне дни закатные прожить...

Брожу по скверу в одиночку,
Глазея вверх на фонари,
Дрожит озябший локоточек,
И что-то ёкает внутри.

Вернусь, разуюсь у порога,
Самой себе скажу: «Привет!»
И поминая всеу Бога,
Доем вчерашний винегрет...

* * *

Жить с головой, повёрнутой назад:
Пустое и нелепое занятие,
Донашивать истрёпанное платье,
Жевать заплесневелый виноград.

Жить с головой, повёрнутой назад...
Зачем мне это, Господи помилуй –
Растрчивая жизненные силы,
Зарыться в прошлогодний листопад.

И всё же, всё же, как мне пренебречь
Той милостью, что памятью зовётся,
Которая и плачет, и смеётся,
Отказываясь прошлое отсечь.

Жить с головой, повёрнутой назад,
Какое это, право, наслажденье,
Когда одно лишь слабое движенье –
И молод ты, и нет ещё утрат...

* * *

Ах, это был нездешний пир,
На стол с нашлёпкой инвентарной
Темноволосый бог пустил
Два влажных призрачных стакана.

Вина легчайшего глотки,
Гора невиданной черешни,
Колбасный дух, густой и грешный,
И пёстрой травки завитки.

Ещё часам не начат счёт,
Открытьям горестным и малым...
И бог касается плечом,
Ещё не тронутым загаром.

* * *

Твоё окошко видела вчера
В трамвайной тряске, в сумерках осенних,
Когда уже сгорало воскресенье...
Припомнилась искусная игра,

Сплетённая с лукавством и усмешкой,
Коварством, болью, равнодушьем внешним,
Бессонными стихами до утра...
Твоё окошко видела вчера.

* * *

В каком-то немыслимо дальнем году
Москва наплывала волшебно и зыбко,
И Пушкин склонял перед нами главу,
И пела в Большом несравненная скрипка...

В Матвеевском осени нежный эскиз
С утра перечеркивал гром электрички,
И серая птаха, припав на карниз,
Невидимый завтрак клевала привычно.

На улицу выйду в безжалостность дня,
Дрожит под ресницами память ночная,
Что будет со мной до последнего дня.
Хотя я покуда об этом не знаю...

Ничто не проходит – ни слово, ни звук,
Ни свет из окошка в подвальчике низком,
Смятение сердца, отчаянность рук,
Как будто далёко, а видятся близко.

Спасибо судьбе за нечаянный дар,
За незавершенность прекрасного шага,
За то, что в отдельные наши года
У писем твоих не желтеет бумага...

Светлана Викторовна Синицкая по профессии журналист. После окончания Казахского государственного университета им. Кирова (ныне Казахский национальный университет им. аль-Фараби) работала в «Ленинской смене», была собственным корреспондентом «Пионерской правды» и «Учительской газеты», выпускала приложение для женщин «Жума-Пятница» в «Казахстанской правде». Стихи начала писать в юности, но «для себя». Это её первая поэтическая публикация.

